

«Я ИДУ ТОЛЬКО ЗА ХРИСТОМ...» МИТРОПОЛИТ ИОСИФ (ПЕТРОВЫХ), 1930 ГОД

В 1930-1931 годах усилиями органов ОГПУ СССР родилось одно из крупнейших церковных следственных дел – дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь»¹. По версии следствия, организация имела два центра: «церковно-политический», во главе которого стояли А. Ф. Лосев² и М. А. Новоселов³, и «церковно-административный», возглавлявшийся митрополитом Иосифом (Петровых).

Митрополит Иосиф был арестован в ссылке и привлечен к делу «Всесоюзной организации ИПЦ» 9 сентября⁴ 1930 года. Первоначально митрополит Иосиф допрашивался в Ленинграде, затем был доставлен в Москву. Его показания занимают в деле одно из центральных мест. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 3 сентября 1931 года митрополит Иосиф был приговорен к пяти годам заключения в лагере с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок. В 1937 году митрополит Иосиф был вновь арестован, приговорен к расстрелу и расстрелян (20 ноября).

Для историков Русской Православной Церкви показания митрополита Иосифа – одного из самых видных Российских иерархов 1920-

¹ Одиннадцатитомное дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь» (далее дело «Всесоюзной организации ИПЦ») хранится в Центральном архиве ФСБ РФ.

² Лосев Алексей Федорович (1893-1988) – с 1923 года профессор в Москве; 18 апреля 1930 года арестован; приговорен к десяти годам заключения в лагере; в сентябре 1932 года освобожден. Подробнее о нем и об обстоятельствах его прохождения по данному делу см.: *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М., 1997 (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 742).

³ Мученик Михаил Александрович Новоселов (1864-1938) – церковно-общественный деятель, профессор; с 1927 года один из активнейших представителей оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому); 23 марта 1929 года арестован; приговорен к восьми годам заключения; расстрелян.

⁴ Все даты (кроме богослужебных) приводятся по новому стилю.

30-х годов, чья деятельность, однако, и поныне вызывает споры – несомненно, представляют немалый интерес. Конечно же, при чтении этих показаний нельзя упускать из вида той обстановки, в которой они были написаны¹. О том, насколько адекватно переданы слова митрополита Иосифа следователем, можно судить уже по подписи под одним из протоколов допроса: «Записано с моих слов правильно, но тенденциозно». Отдельные фразы и отрывки из показаний, способные вызвать смущение у читателя, становятся менее соблазнительными при учете их общего контекста. Так, например, может броситься в глаза, что митрополит Иосиф называет довольно много лиц, приезжавших к нему в ссылку в Моденский монастырь. Однако из самих же показаний видно, что агенты ОГПУ не только следили за тем, кто посещал митрополита Иосифа, но порой и подвергали приезжавших обыскам. В силу этого весьма вероятным выглядит предположение, что большинство имен на допросах называлось самими следователями (тем более что за редкими исключениями эти люди уже сами были к тому времени арестованы).

В показаниях митрополита Иосифа говорится о целом ряде фактов и эпизодов, малоизвестных, но достаточно важных для новейшей истории Русской Церкви и особенно для истории «правой» церковной оппозиции 1920-30-х годов. Например, говорится о произошедшей в декабре 1927 года в ожидании приема у митрополита Сергия (Страгородского)² встрече митрополита Иосифа с представителями ленинградской делегации³, приехавшей к Заместителю Патриаршего Место-

¹ О сложностях, возникающих при использовании подобного рода источников, см.: *Головкова Л. А.* Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации новомучеников и исповедников Российских // Приложение к «Богословскому сборнику» № 6. 2000. С. 13.

² Митрополит Сергий (Страгородский Иван Николаевич, 1867-1944) – с 1924 года митрополит Нижегородский; в декабре 1925 – ноябре 1926 и с марта 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя; с 1934 года имел титул Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского; с 1936 года – Патриаршего Местоблюстителя; с 1943 года – Патриарха Московского и всея Руси.

³ 12 декабря 1927 года митрополита Сергия в Москве посетила делегация представителей ленинградского духовенства и мирян, в состав которой входили епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Викторин

блжстителя, сообщается о том, что перед изданием известного обращения ярославских иерархов¹ с его содержанием ознакомился Е. А. Тучков² и пообещал, что со стороны ОГПУ вмешательства в церковные дела не будет). Немаловажны и оценки, которые дает различным событиям митрополит Иосиф, хотя здесь особенно следует учитывать его подследственное положение.

Добронравов, миряне И. М. Андреевский и С. А. Алексеев. Митрополиту Сергию были тогда переданы: протест, составленный от имени академических кругов Ленинграда профессором С. С. Абрамовичем-Барановским, обращение, подписанное шестью проживавшими в Ленинграде архиереями, и письмо от ленинградских священников и верующих, написанное протоиереем Феодором Андреевым. Запись беседы ленинградской делегации с митрополитом Сергием, составленную И. М. Андреевским и протоиереем Викторином Добронравовым, см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943. М., 1994. С. 536-538; более полный текст, не имеющий, однако, никаких ссылок, см.: *Протоиерей Владислав Цыпин*. Русская Православная церковь. 1925-1938. М., 1999. С. 146-152.

Реакция ОГПУ на данный визит ленинградцев была весьма оперативной. 15 декабря 1927 года Е. А. Тучков на присланной к нему из Ленинграда секретной докладной записке собственноручно наложил следующую резолюцию: «Г[оварищу] Полянск[ому].

1) Сообщите в Ленинград, что была у Сергия делегация с такими-то предлож[ениями].

2) Предложите наиболее активных из оппозиции мирян арестовать под другими предлогами.

3) Сообщите, что мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиц[ионных] епископов, а Ерушевич <так в тексте> после этого пусть запретит некоторых попов.

15/XII Е. Тучков» (ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 9. Л. 3).

¹ Обращение от 6 февраля 1928 года, в котором говорилось об отказе признания за митрополитом Сергием права на высшее управление Русской Церковью, было подписано митрополитом Агафангелом (Преображенским) и архиепископом Серафимом (Самойловичем), самим митрополитом Иосифом, а также архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым) и епископом Евгением (Кобрановым) (см.: Акты... С. 572-574).

² Тучков Евгений Александрович (1892-1957) — с 1922 года начальник 6-го отделения СО ОГПУ СССР.

Настоящая публикация включает в себя все показания митрополита Иосифа, содержащиеся в деле «Всесоюзной организации ИПЦ» 1930-31 годов, как написанные им собственноручно (документы № 4 и № 16), так и записанные следователями (А. Макаровым — документы № 1-3, № 5-9; А. В. Казанским — документы № 12-15), а также приводимые только в машинописных копиях (документы № 10, 11). Датированные документы приводятся в хронологическом порядке, недатированные — в соответствии с тем порядком, в котором они помещены в следственном деле. Последним приводится не имеющий даты документ, находящийся в деле отдельно от остальных, в другом томе. Все документы полностью публикуются впервые. Отдельные обрывочные фрагменты показаний митрополита Иосифа из данного дела ранее были приведены в докладе И. И. Осиповой «История «Истинно-православной церкви» по материалам следственного дела»¹ и отсюда заимствованы М. В. Шкаровским для книги «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви»².

Документы приводятся с сохранением основных особенностей оригинала (исправлению подвергнуты только очевидные орфографические и синтаксические ошибки). Использование строчных и заглавных букв сохранено³, отмечены имеющиеся в тексте подчеркивания.

Краткие биографические сведения о лицах, упоминающихся в документах, составлены преимущественно на основе материалов базы данных «Новомученики и исповедники Российской», разработанной на кафедре информатики ПСТБИ. В отдельных случаях дополнительно привлечены сведения из вышеупомянутой книги М. В. Шкаровского.

Публикация осуществляется в рамках исследовательского проекта по гранту РГНФ 01-01-00296а.

¹ См.: *Осипова И. И.* История «Истинно-православной церкви» по материалам следственного дела // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ: Материалы 1992-1996 годов. С. 374-380.

² См.: *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 17-18.

³ В том числе и при характерном для следователей написании даже имени Христа со строчной буквы.

№ 1

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

22 сентября 1930 года

Отдел [не указан]

гор[од] Ленинград,

«22» Сентября 1930 г[ода]

ПРОТОКОЛ № [не указан]

допроса, произведенного в П[олномочном] П[редставительстве] О[бъединенного] Г[осударственного] П[олитического] У[правления] в Л[енинградском] В[оенном] О[круге] уполномоченным Макаровым

по делу за № [не указан]

Я, нижеподписавш[ийся] допрошен[ный] в качестве обвиняемого/свидетеля показываю:

1. Фамилия Петровых
2. Имя, отчество Иосиф Семенович
3. Возраст 1872
4. Происхождение ур[оженец] гор[ода] Устюжна б[ывшего] Череповецкого округа, сын кустика кондитера
5. Местожительство Моденский монастырь Череповецкого округа
6. Род занятий митрополит
7. Семейное положение холост
8. Имущественное положение неимущий
9. Партийность беспартийный
10. Отношение к военной службе не служил
11. Политические убеждения вне политики
12. Образование общее Московскую Духовную Академию
 специальное [не указано]
13. Чем занимался до Революции (подробно) с 1909 г[ода] епископом
14. Сведения о прежней судимости в гор[оде] Ростове за совершение крестного хода¹, через три недели освобожден. Во

¹ 8 июля 1920 года митрополит Иосиф был арестован за срыв кампании по вскрытию мощей; приговорен к одному году заключения условно.

время изъятия церк[овных] ценностей¹ по суду к 2 годам тюремного заключения, по кассации через месяц освобожден и в конце концов без суда и следствия находился в высылке в Череповецком округе в Моденском монастыре.

Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу показываю: После первого приезда в Ленинград в качестве митрополита Ленинградского по назначению² митрополита Сергия в 1926 году я, отслужив одну службу в Александро-Невской лавре³, поехал в Новгород за вещами, откуда должен был выехать в Москву в Г.П.У.⁴ В Москве в ГПУ мне во въезде в Ленинград было отказано и предложено было выехать в Ростов Ярославской г[убернии]. Прожив там 3-4 месяца, я вновь был вызван в Москву, где без суда и следствия послали

¹ В мае 1922 года митрополит Иосиф вновь был арестован; в январе 1923 года освобожден по предписанию ВЦИК.

² Архиепископ Ростовский Иосиф, временно управлявший Новгородской епархией, был возведен в сан митрополита и назначен на Ленинградскую кафедру 26 августа 1926 года. О назначении ему сообщил приехавший в Новгород архиепископ Алексей (Симанский).

³ Данная служба (всенощная и литургия) была отслужена митрополитом Иосифом 29-30 августа (11-12 сентября) в день памяти святого благоверного князя Александра Невского при огромном стечении верующих.

⁴ В церковно-исторической литературе нередко встречается несколько иное изложение мотивов отъезда митрополита Иосифа из Ленинграда. Так, митрополит Елевферий (Богоявленский) в своей книге «Неделя в Патриархии» писал об этом эпизоде: «...Он [митрополит Иосиф] вздумал вскоре после праздника поехать в Ростов проститься со своею паствою. Обрато власти не пустили его из Ростова» (Митрополит Елевферий (Богоявленский). Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 270). Версию о том, что митрополит Иосиф по своей собственной инициативе поехал в Ростов, позднее повторил в своей диссертации архимандрит Иоанн (Снычев) (см.: *Митрополит Иоанн (Снычев)*. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия — григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. Самара, 1997. С. 195), а в наше время — историк М. В. Шкаровский (см.: Цит. соч. С. 11).

на высылку в Моденский монастырь Череповецкого округа¹, где проживал до настоящего своего ареста. Находясь в Моденском монастыре, я от митрополита Сергия получил новое назначение, и вместо Ленинградской епархии он назначал меня на Одесскую епархию². На Одесскую кафедру я не поехал, потому что находил этот перевод по церковным правилам незаконным³. После назначения меня на Одесскую кафедру я первое время хотел уйти на покой от всех дел, но в это время в Ленинграде образовалась группа духовенства во главе с епископами Дмитрием Любимовым⁴, Сергием Дружининым⁵, свя-

¹ 16 декабря 1926 года, вскоре после вступления митрополита Иосифа в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, он был вызван ОГПУ в Москву, где ему указали выехать в Моденский Никольский монастырь (примерно в 35 километрах от города Устюжны). 29 декабря 1926 года митрополит Иосиф был доставлен к месту ссылки. В сентябре 1927 года митрополиту Иосифу было разрешено вернуться в Ростов.

² Указ о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру был подписан 17 сентября 1927 года. Митрополитом Иосифом он был получен только 22 октября 1927 года.

³ Свой первый протест митрополит Иосиф заявил в письме митрополиту Сергию (Страгородскому) от 28 сентября 1927 года, еще до получения указа о переводе, узнав о нем из неофициальных источников.

⁴ Епископ Димитрий (Любимов Дмитрий Гаврилович, 1857-1935) — до 1925 года протоиерей в Петрограде; в декабре 1925 года хиротонисан во епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии; 26 декабря 1927 года вместе с епископом Сергием (Дружининым) подписал акт отхода от митрополита Сергия (Страгородского), фактически возглавил иосифлянское движение; в 1928 году возведен митрополитом Иосифом в сан архиепископа; 29 ноября 1929 года арестован; приговорен к десяти годам заключения в лагере; скончался в заключении.

⁵ Епископ Сергей (Дружинин Иван Прохорович, 1863-1937) — до 1917 года настоятель Троице-Сергиевой пустыни под Петроградом в сане архимандрита, духовник великих князей; в 1924 году хиротонисан во епископа Нарвского, викария Ленинградской епархии; 26 декабря 1927 году выступил вместе с епископом Димитрием (Любимовым); 7 декабря 1930 года арестован; приговорен к пяти годам заключения; расстрелян.

щенниками – называть в отдельности отказываюсь, – а главным образом многочисленное количество верующих стало просить меня и потребовало остаться их руководителем, Ленинградским митрополитом, обещая мне, что они меня не будут ни в чем беспокоить, а сидеть в ссылке в Моденском монастыре и только быть их духовным руководителем. Первое время так и было. В течение некоторого времени они меня ни в чем не беспокоили, ни с какими вопросами не обращались. Постепенно я был втянут в церковный водоворот, и приходилось так или иначе реагировать на те события, которые развернулись вокруг этой новообразовавшейся церковной группы.

Дело мое, по которому я привлекаюсь, как мне представляется, зиждется на мнении обо мне, как лидере особого течения в нашей церкви, возникшего 4 года тому назад в связи с декларацией митрополита Сергия, грубо нарушившего, по убеждению верующих, глубочайшие основы строя церковной жизни и управления. Это течение совершенно несправедливо окрещено «Иосифлянами», каковую несправедливость указывает и сам митроп[олит] Сергей¹ в переписке его с митрополитом Кириллом². Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще «антисергианским». А так как первый протест против Сергия

¹ В своем письме митрополиту Кириллу (Смирнову) от 18 сентября 1929 года митрополит Сергей писал: «К сожалению, Ваше суждение "о моей деятельности" ... не оставляет места сомнению в том, что Вы и теоретически единомысленны с нашим новым расколом, не совсем правильно называемым "иосифлянским"...» (Акты... С. 644-645).

² Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов Константин Иларионович, 1863-1937) – с апреля 1920 года митрополит Казанский и Свияжский; с августа 1920 года – в заключении (с краткими перерывами); в завещательном распоряжении святого Патриарха Тихона от 7 января 1925 года указан первым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола; осенью 1926 года на состоявшихся без его ведома тайных выборах Патриарха получил наибольшее число голосов (чему, однако, сам значения не придавал); в мае 1929 года открыто выступил с осуждением действий митрополита Сергия; расстрелян вместе с митрополитом Иосифом.

был громко провозглашен¹ не мною, а митроп[олитом] Агафангелом Ярославским², то справедливее было бы именовать это течение «агафангелизмом» или как-либо еще в этом роде, а уж никак не «иосифлянством». Я поэтому прежде всего категорически протестую против насильственного пристегивания моего имени к этому движению и требую прекращения дальнейшего злоупотребления моим именем.

Самое течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергия и не зависимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию в церковных кругах без всякого моего участия и влияния. Более того: я сам значительно позднее втянут был в это течение и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя

¹ Первый сопровождавшийся отходом от митрополита Сергия протест против его политики, ассоциируемой с Декларацией от 29 июля 1927 года, был «громко провозглашен» в Окружном послании Архиерейского Синода РПЦЗ от 9 сентября 1927 года (см.: *Священник Георгий Митрофанов. Русская Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы.* СПб., 1995. С. 138-142). Спустя некоторое время начались отходы архиереев от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя уже и в России. В ноябре 1927 года от митрополита Сергия отделился епископ Виктор (Островидов). 26 декабря 1927 года последовал уже упоминавшийся акт двух Ленинградских викариев, поддержанных самим митрополитом Иосифом (см.: Акты... С. 544-545, 552). 22 января 1928 года об отмежевании от митрополита Сергия заявил епископ Алексей (Буй) (см.: Акты... С. 564-565). Протест митрополита Агафангела (Преображенского) и группы Ярославских викариев, подписанный и митрополитом Иосифом, упоминаемый им здесь как «первый», был заявлен, как уже указывалось, лишь 6 февраля 1928 года, хотя по своему значению он действительно был одним из самых важных.

² Священноисповедник митрополит Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич, 1854-1928) – с 1913 года архиепископ Ярославский; с 1917 года митрополит; в мае-июне 1922 года Заместитель Патриарха; в завещательном распоряжении святого Патриарха Тихона от 7 января 1925 года указан вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола.

многим его уклонам вправо и влево. И если бы даже уничтожить вовсе меня и мое участие в этом движении, оно безостановочно шло бы и пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение. Это движение не в силах остановить даже имя и авторитет главного нашего начальника митрополита Петра¹. Всякая попытка его в этом роде истолкована бы была как его отклонение от здравых суждений об истине и неминуемо кончилась бы лишь отпадением верующих масс и от самого митрополита Петра.

Очевидно, таким образом «рука Иосифа» здесь также не причастна к делу как пресловутая «рука Москвы», которую всегда хотят находить там, где народное угнетение создает благоприятную почву для борьбы с угнетателями, помимо этой Москвы.

Не отрицая моего сочувствия антисергианству, я должен констатировать факт, что оно и не нуждается ни в моем и ни в чьем особом возглавлении, так как каждый антисергианский архиерей получил власть вполне самостоятельно управляться со своею паствою и не нуждается в другой центральной власти за ее, в сущности, отсутствием и невозможностью функционировать правильно. Такое исключительное положение предусмотрено еще при Патр[иархе] Тихоне² и подтверждено митр[ополитом] Петром, митр[ополитом] Агафангелом³ и др[угими] высшими иерархами⁴, в руках коих за последнее время

¹ Священномученик митрополит Петр (Полянский Петр Федорович, 1862-1937) — с 1924 года митрополит Крутицкий; с апреля 1925 года — Патриарший Местоблюститель; с декабря 1925 года в заключении; расстрелян.

² Имеется в виду известное постановление святого Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета № 362 от 20 ноября 1920 года (см.: *Священник Георгий Митрофанов*. Цит. соч. С. 86-87).

³ См.: Послание Заместителя Патриарха митрополита Агафангела от 18 июня 1922 года. (Акты... С. 219-221).

⁴ По всей видимости, речь идет об актах иерархов, последовательно бывших во время заключения митрополита Сергия Заместителями Патриаршего Местоблюстителя: самого митрополита Иосифа, в прин-

пробывала возможность наладить высшее церковное управление, ныне фактически не существующее.

При чем же тут я, ничуть не больше других воспользовавшийся правом «сметь свое суждение иметь» о таких вещах в нашем чисто церковном быту, до которых гражданской власти не должно быть никакого дела? Ведь у нас есть столь красивые (но уже ли и лживые?) декреты о свободе совести, об отделении церкви от государства, о свободе всякого вероисповедания, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. И если законы пишутся для того, чтобы их исполнять, то не там ли настоящая контрреволюция, где эти революционные законы не исполняются, и этим самым они только роняются, уподобляясь «филькиным грамотам»?

Если закон о запрещении поддерживать одну какую-либо религиозную ориентацию в ущерб другой не есть такая филькина грамота, то я не вижу препятствий для введения в безвредное для государства русло и этой новой антисергианской, но отнюдь не антигосударственной ориентации. Что требуется для этого с нашей стороны, ожидаю предъяснений со стороны самой Власти, и, если только она действительно искренно говорит и уверяет всех, что у нас нет преследований ни веры, ни церкви, ни верующих за их убеждения, то могу (слабо) надеяться на улучшение своей участи.

Иосиф Петровых.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 304-307. Подлинник. Автограф А. Макарова на бланке протокола допроса. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 310-312 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

ципе допускавшего переход к самоуправлению епархий в своем завещательном распоряжении от 8 декабря 1926 года (см.: Акты... С. 489-490), и архиепископа Серафима (Самойловича), призывавшего в послании от 29 декабря 1926 года собратьев-епископов решать все дела, кроме общецерковных, самостоятельно (см.: Акты... С. 490-492).

№ 2

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

23 сентября 1930 года

Продолжение протокола допроса Петровых Иосифа 23/IX 1930 года.

Рукопись, обнаруженная у меня при обыске, написанная мною лично: «Толковать с вами — самое бесполезное и безнадежное дело. Мы никогда не столкнемся. Вы никогда не сделаете того, чего я хочу. Я никогда не сделаю того, что Вам нужно. Вам нужно уничтожение христа, мне его процветание... По вашему, мы мракобесы, по нашему, Вы настоящие сыны тьмы и лжи... Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и гонять по ссылкам ее служителей. Нам кажется величайшей дикостью, позором из позоров XX века Ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества». Написан он в состоянии крайнего нервного возбуждения при вызове к агентам Г.П.У. в Моденском монастыре, которые в 2-х-часовой срок предложили мне дать ответы на вопросы: 1) Мое пребывание в ссылке, 2) Отлучка в Ростов и 3) Мое отношение в настоящем положении к современным событиям.

Отвечать я начал именно так, как приведена вышеуказанная рукопись, но впоследствии, немного успокоившись, я понял, что совершенно неуместны [вписано над строкой: и сумасбродно] такие мысли, и написал три ответа, обнаруженные также при обыске¹.

Сейчас я выражаю искреннее и глубокое сожаление, что мог допускать такие мысли, если я их сразу же не уничтожил, то лишь потому, что эта рукопись в суматохе куда-то завалилась и я не мог ее обнаружить и уничтожить.

Ответ мой о ссылке мне помогла с черновиков переписать Мария Ивановна Гранатова, которая жила при мне и помогала мне в хозяйстве. Копии этих ответов я оставил у себя.

¹ Два различных письменных ответа митрополита Иосифа на 3-й вопрос содержатся в материалах настоящего следственного дела и представляют собой публикуемые здесь документы № 4 и № 16.

Этими ответами приезжающие ко мне духовенство и верующие интересовались, переписывали и увозили.

Находясь в ссылке в Моденском монастыре, ко мне приезжали за советами не только с Ленинграда, но приезжали и с других городов СССР.

С Ленинграда чаще всего приезжала монахиня Анастасия Куликова¹. Через нее я получал всю корреспонденцию, как с Ленинграда, так и с других городов. Помню, что таким образом была получена копия письма митр[ополита] Петра, написанного им с высылки одной своей Киевской знакомой.

В этом письме митр[ополит] Петр писал о трудностях его пребывания в ссылке и о том, что ему продлен срок ссылки еще на два года². Помимо письменных ответов моих я [с] матушкой Анастасией сообщал и давал те или иные указания и устно.

С Ленинграда кроме Анастасии Куликовой приезжали за советами и разрешениями тех или иных вопросов следующие лица: священник Алексей Вознесенский – раза 2, Викторин Добронравов³ – 1 раз, иеромонах Тихон [исправлено вместо: Стефан], Николай Ушаков, Филофей Поляков⁴, епископ Василий⁵, миря-

¹ Монахиня Анастасия (Куликова Александра Георгиевна, 1870-?) – в 1922-1925 годах сопровождала протоиерея Димитрия Любимова в ссылке; с 1927 года – секретарь и экономка епископа Димитрия (Любимова); 29 ноября 1929 года арестована вместе с епископом Димитрием; приговорена к пяти годам заключения в лагере.

² Срок заключения митрополита Петра был продлен на два года постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР от 11 мая 1928 года.

³ Протоиерей Викторин Михайлович Добронравов (1889-1937) – с 1919 года настоятель церкви святителя Николая на Петровском острове в Ленинграде; 19 сентября 1930 года арестован; приговорен к десяти годам заключения в лагере; расстрелян.

⁴ Протоиерей Филофей Петрович Поляков (1893-1958) – с октября 1929 года настоятель Малоколоменской церкви Михаила Архангела в Ленинграде; 21 сентября 1930 года арестован; вскоре освобожден; в 1933 году примирился с Московской Патриархией.

⁵ Епископ Василий (Докторов Владимир Иванович, 1872-1938) – в 1924 году хиротонисан во епископа; с 1927 года – епископ Каргопольский, викарий Олонецкой епархии; в 1928 году, как не признав-

не Мария Петровна Березовская¹ — два раза, Наталья Николаевна Андреева² — два раза и др[угие], которых не помню.

С Натальей Николаевной Андреевой в ее приезды были разговоры о событиях, происходящих вокруг церкви.

Разговаривая с Андреевой, я заключил, что Андреева была удручена последним расколом, происшедшим в нашей организации в связи с регистрацией двадцаток³, вследствие чего духовенство в лице Викторина Добронравова, Алексея Вознесенского, Николая Ушакова, Николая Васильева⁴ и других отошли от епископа Сергия Дружинина и Василия Докторова и прекратили служение в церквях, принявших регистрацию. Наталия Николаевна мне говорила, что она лично принимала усердие к примирению, а тем более еще тогда, когда увидела, что бывшие духовные чады умершего св[ященника] Федора Андреева⁵ прекратили посещать храм Воскресения на крови.

ший июльскую Декларацию, уволен от управления Каргопольским викариатством; пересехал в Ленинград; 7 декабря 1930 года арестован; приговорен к пяти годам заключения в лагере; расстрелян.

¹ Березовская Мария Петровна (1872-?) — председатель приходского совета храма Воскресения на крови в Ленинграде; 28 сентября 1930 года арестована; приговорена к пяти годам высылки в Северный край.

² Андреева Наталья Николаевна (1897-1970) — вдова протоиерея Феодора Андреева, 21 сентября 1930 года арестована; приговорена к трем годам высылки в Казахстан.

³ Регистрация двадцаток производилась в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 года.

⁴ Протоиерей Николай Григорьевич Васильев (1897-1956) — с 1930 года священник церкви святителя Николая на Петровском острове в Ленинграде; 28 декабря 1930 года арестован; в мае 1931 года освобожден; в 1948 году примирился с Московской Патриархией.

⁵ Протоиерей Феодор Константинович Андреев (1887-1929) — до 1918 года профессор МДА; с 1922 года священник в Петрограде; с 1927 года протоиерей; один из самых активных и авторитетных деятелей оппозиции митрополиту Сергию в Ленинграде; 8 сентября 1928 года арестован; в ноябре 1928 освобожден, будучи смертельно больным туберкулезом; в мае 1929 года скончался.

О Московском антисергианском течении я был в курсе дела отчасти от тех лиц, которые ко мне приезжали, а отчасти и от Наталии Николаевны. В один из своих приездов ко мне она говорила мне о деятельности какого-то ее знакомого Лосева, но, что она говорила, я не помню, и, не зная этого Лосева, я не придавал разговору Натальи Николаевны никакого значения.

Добронравов, Вознесенский и Ушаков приезжали по поводу своего отхода и непризнания регистрации. В своих разговорах они хотели меня убедить осудить пере[ре]гистрацию двадцаток, но я был против их предложения и говорил, что раз эту регистрацию требует гражданская власть, то ее нужно производить, и был более согласен с предложением Марии Петровны Березовской, которая, приехав ко мне по этому же делу, в пункты регистрации внесла оговорки, и я тогда же эти оговорки одобрил. Отказ от благотворительности церкви может быть допущен только в противоречии с нашими церковными правилами.

Про Алексея Шишкина¹, иеромонаха с Северного Кавказа, знаю, что он бесприходный священник, который ведет агитацию против регистрации, призывая верующих уйти в подполье. Об этом Шишкине мне писал нынешним летом один священник, который был против Алексея Шишкина.

Записано с моих слов правильно.

Иосиф Петровых.

Уполномоченный А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 307-308 об. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 312-313 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

¹ Иеромонах Алексей (Иннокентий?) (Шишкин Алексей Прохорович, 1878-1938) — с 1928 года исполняющий обязанности благочинного иосифлянских приходов на Кубани; в ноябре 1929 — начале 1930 годов жил в Ленинграде; с 1930 года скрывался; расстрелян.

№ 3

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

27 сентября 1930 года

Продолжение допроса Петровых Иосифа 27 сентября 1930 г[ода].

Как в первый свой приезд в Ленинград, так и проездом в Ростов через Ленинград я останавливался у моего земляка Дмитрия Петровича Варганова, проживающего по Горсткиной улице д[ом] № 1/4. Проезжая в Ростов, я пробыл в Ленинграде два дня и одну ночь. За эти два дня я кроме епископа Дмитрия, у которого обедал, ни у кого не был, меня же на квартире Варганова посетило духовенство и знакомые, и с некоторыми из них было чаепитие.

Кто оставался на чаепитии у Варганова, я не помню, как не помню, какие вопросы за чаепитием обсуждались.

Отрицая свое руководство над антисергианским течением, я все же сознаю, что нужно же кому-нибудь было быть духовным руководителем и советником того духовенства и верующих, которые в силу лжи митрополита Сергия отошли от него и примкнули к нашей церковной группе, а так как кроме меня никого из митрополитов не было, то только этим я и объясняю, что ко мне со всего Союза приезжало духовенство и верующие за советами.

После того как я был выслан в Моденский монастырь, своим заместителем я назначил епископа Дмитрия, а после ареста последнего руководство перешло к епископу Дружинину Сергею. Первое время епископ Дмитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам с ним был согласен за то, чтобы всем обращающимся к нему за руководством он давал советы. Сам епископ Дмитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивая у меня как у своего митрополита советов и руководства.

Распространение антисергианских документов, в которых задевалась и Сов[етская] власть, преступлением не считаю, этими документами мы критиковали слова и дела митрополита Сергия, его лакейский подход к Сов[етской] власти в его церковной политике.

Я ничего не имел против того, что группа Ленинградского духовенства и мирян на декларацию митрополита Сергия написали протест, требуя от последнего изменения взятого им курса церковной политики. Кто писал этот протест, я не знаю, но знаю, что его возили к митрополиту Сергию епископ Дмитрий и проф[ессор] Абрамович-Барановский. И с тем, и с другим я встретился в Москве¹ при ожидании приема митрополитом Сергием, где протест мною был прочитан.

Записано с моих слов правильно.

Иосиф Петровых.

Уполномочен[ный] А. Макаров

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 308 об. — 309 об. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 314-315 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

¹ Показания митрополита Иосифа о том, что он лично встретился в Москве с профессором С. С. Абрамовичем-Барановским и что последний, таким образом, также входил в состав ленинградской делегации, не подтверждаются показаниями других членов делегации. Так, протоиерей Викторин Добронравов на допросе 18 января 1931 года показал: «В день отъезда в Москву на квартире у Любимова я видел Абрамович-Барановского, но он с нами в Москву не ездил». (ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 10. Л. 95 об.). И. М. Андреевский на допросе 12 декабря 1930 года говорил, что познакомился с С. С. Абрамовичем-Барановским лишь в тюрьме (Там же. Т. 11. Л. 349 об.).

№ 4

**Собственноручные показания митрополита Иосифа (Петровых)
о его отношении к современным ему церковным событиям***27 сентября 1930 года*

«Собственноручное мое показание по делу в объяснение моего отношения к современным церковным событиям, как я их себе представляю».

Процесс, в котором я сейчас фигурирую, имеет целью – видимо «разгром» так называемого «Иосифлянства» (правильнее «антиСергиянства»), организации якобы с антисоветскими тенденциями. Отсюда вытекает и тот неправильный путь, по которому – мне кажется – идет все следствие, грозя напрасною гибелью многих неповинных в том, в чем их обвиняют. Ведь критика слов и дел м[итрополита] Сергия – вовсе не есть¹ критика или выпад против Власти.

Лакейский подход Сергия к Власти в его церковной политике – факт неопровержимый. И вся Советская печать гораздо злее и ядовитее нас высмеяла это лакейство² и в стихах, и особых фельетонах, и юмористических иллюстрациях. Почему же нам это воспрещено?

За хранение и распространение этой критики людей преследуют, как за хранение и распространение чего-то антисоветского. Правда, здесь прорываются иногда вопли, как будто бы и Власть задевающие. Но ведь это неизбежно, как одна крайность при другой, как невольная отрывка тех подхамств, до которых дошел наш недавний «господин-лакей»

¹ Здесь и далее в документе подчеркнуто митрополитом Иосифом.

² Так, уже в сопроводительной статье к опубликованной в газете «Известия» Декларации митрополита Сергия писалось: «Только наиболее тупые и заскорузлые представители духовенства неспособны были понять и увидеть, что политическое равнение по пастве, по трудовому народу – необходимое условие сохранения за церковью того, что у нее еще осталось, и прежде всего сохранения тех доходов, которые простодушная паства еще им доставляет» (Среди церковников // Известия ВЦИК. 1927 г. № 188 (3122). 19 авг.)

Сергий. В этих воплях, в этой отрывке — нет однако же активного противодействия и оскорбления Власти, а простое подчеркивание контрастов. В самом деле, если Сергию — по половице — «плюнь в глаза, ему все будет "Божья роса"», то мы говорим, что плевков есть плевков, и только. Сергий хочет быть лакеем Сов[етской] Власти, мы — хотим быть честными, лояльными гражданами Сов[етской] Республики с правами человека, а не лакея, и только. Ведь в других областях — Власть наша (Советская) — крепкая и спокойная за свое существование — не боится никакой здоровой самокритики, и даже сама ее ищет и требует.

Понятно поэтому — если Власть хочет блага себе, то она должна найти нечто здоровое для себя и в нашей самокритике, которая позволяется другим почти в неограниченном количестве.

Еще раз повторю:

1. Во главе «антиСергиянской» ориентации я не стоял и на выпады ее антисоветские не имел ни малейшего влияния. Если таковые выпады оказались, я решительно от них отмежевываюсь и советовал бы всем отмежевываться, и прошу Власть не налагать на меня ни малейшей ответственности за эти выпады.

2. Проявляя свое участие в церковной жизни общины Храма Воскресения и др[угих], единомысленных с нею, советами и помощью в решении разного рода вопросов церковного характера, я считал и считаю, что не выходил из рамок законности, поскольку сама Власть позволяла меня регистрировать при этой общине в качестве ее духовного руководителя и не предъявляла мне никаких требований в смысле ограничения моих чисто духовных прав. Запретили бы мне это прямо, на тех или других законных основаниях, и я не пошевелил бы и пальцем.

Признавая некоторую нелояльность своего личного поведения в отношении Власти и находя, что безупречное соблюдение этой лояльности чрезвычайно затруднено вообще при таком множестве всякого рода невыясненных достаточно ограничений свободы живой человеческой личности и возможно разве только для высшей 100%-нтной мудрости Сократа, я прошу вновь

Власть простить мне мои ошибки, о коих выражаю искреннейшее сожаление, и принять мое честное (и отнюдь не лакейское) заверение, что сознательным врагом и вредителем Власти никогда не был и быть не могу уже в силу своего далеко не дворянского происхождения и в силу того, что никогда не был особым сторонником старого режима, с коим у меня посему даже были в прошлом немалые недоразумения (прекращение мною в 1905 г[оду] всякого поминовения царской фамилии за Богослужением и за это лишение на некоторое время возможности священнослужения, перевод на худшее место, лишение наград и повышений по службе и т[ому] п[одобное]).

Доколе же тяготеть будет надо мною несчастный рок, не дающий заработать и у нового режима честного и незапятнанного имени при всех искренних желаниях и попытках этого?

27 сент[ября] 1930.

Иосиф Петровых.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 330-331. Подлинник. Автограф митрополита Иосифа.

№ 5

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

30 сентября 1930 года

Продолжение протокола допроса Петровых Иосифа 30 сентября 1930 г[ода].

Антисергианская организация началась с известной декларации митрополита Сергия, где он, высказав более или менее приемлемые для всякого честного Советского гражданина мысли, в тоже время допустил неприемлемые для церковного сознания действия, нашедшие свое выражение тотчас в целом ряде противцерковных мероприятий: переброска с места на место почти всех тогдашних архиереев, учреждение синода на неканонических началах, уничтожение вовсе некоторых епархий, произвольное слияние их, прекращение молитвы за привлеченное по гражданскому суду духовенство и т[ому] п[одобное].

Все это для Ленинградской епархии приняло особую остроту после того, как им без всякого законного канонического основания был смещен митрополит, на стороне которого было большинство духовенства и верующих мирян. Когда попытки сговориться с митроп[олитом] Сергием и склонить его на некоторые важные уступки, выраженные тогда в особом протесте, в составлении которого участвовал Абрамович-Барановский, остались тщетными, недовольные Сергием решились прервать с ним общение как с администратором и управляться в своей общине самостоятельно с зарегистрированными при храме Воскресения на крови духовными руководителями, митрополитом Иосифом и епископом Дмитрием, которому и были мною переданы соответствующие полномочия.

Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковной деятельностью, чуждою гражданской политикой, и в начале только лишь в тесном кружке одной общины, к которой вскоре же однако примкнул целый ряд др[угих] общин, как в самом Ленинграде, так и в других местностях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписанный лозунг был – совершенное отрешение от светской политики в сторону только церковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств, чину, и как содействующее этому – устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями поместного собора 1917 года.

Мы до сих пор не знаем, за что сидят в ссылке митр[ополиты] Петр, Кирилл и др[угие] и все увеличивающие сроки их пребывания в ссылке, однако митрополит Сергей в своей декларации осудил все духовенство и церковь в нелояльности к Сов[етской] власти.

Радости Сов[етской] власти не могут быть нашими общими радостями. Советская власть получает удовлетворение закрытием той или иной церкви, мы можем только иметь скорбь и не можем радоваться. В программе Сов[етской] власти на первом месте поставлена борьба с религией как опиумом для народа, мы же считаем и всякое преследование духовенства и верующих преследованием религии и только можем выражать скорбь.

Как глава церкви, прежде чем осудить заграничное духовенство, митрополит Сергей должен был учинить формальный церковный суд. И как глава церкви он был не вправе в своей декларации осудить огульно все духовенство. За политику церковный суд не судит, это дело гражданского суда.

Связь с митр[ополиитами] Петром, Кириллом, Агафангелом и другими лицами вначале была совершенно неошутительна. О митр[ополиитах] Петре и Кирилле сергианцы даже пускали слухи, что они осуждают это новое течение, пускали в оборот письма, якобы с их одобрениями¹, чем смущали и колебали многих.

Лично я получил письмо от митроп[олита] Серафима Чичагова², где он призывал меня образумиться, ссылаясь на то, что и митроп[олит] Кирилл, и все виднейшие иерархи на их стороне. В дальнейшем оказалось, что это была ложь, которая еще более оттолкнула от пользующихся столь негодными средствами. И в настоящее время никакой особой связи с митр[ополи-

¹ Самым известным подобным документом был доклад митрополиту Сергию епископа Василия (Беляева) о положительном отзыве митрополита Петра о июльской Декларации (см.: Акты... С. 529-530). Сам священномученик Петр в декабре 1929 года в письме митрополиту Сергию, подвергнув суровой критике действия своего Заместителя, писал: «Между прочим, мне пишут, что епископ Василий о делах от моего имени представил Вам доклад. Должен заметить, что ни ему, ни другому моему сожителю я не давал никаких поручений, касающихся церковных дел» (Акты... С. 681-682).

² Священномученик митрополит Серафим (Чичагов Леонид Михайлович, 1856-1937) — в феврале 1928 года назначен митрополитом Ленинградским; в сентябре 1933 года уволен на покой; расстрелян.

тами] Петром, Кириллом и др[угими] антисергианское течение не имеет, и о том, что с митрополитом Петром была через епископа Дамаскина¹ налажена связь², я слышу впервые.

Те документы, которые получались нашей организацией в защиту нашего течения, я получал от разных лиц с Ленинграда и других мест. Поскольку эти документы говорили в пользу нашей организации, я получал удовлетворение и, напротив, когда что-либо писалось не в нашу пользу.

Записано с моих слов правильно.

Иосиф Петровых.

Уполномоченный А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 316-317. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 320-322 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

№ 6

Продолжение протокола допроса митрополита Иосифа (Петровых)

30 сентября 1930 года

Продолжение допроса 30 сентября 1930 г[ода].

Не имея на местах духовного руководителя, с разных городов и местностей СССР приезжали к епископу Дмитрию за

¹ Священномученик епископ Дамаскин (Цедрик Дмитрий Дмитриевич, 1877-1937) — в 1923 году хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии; был близок митрополиту Кириллу (Смирнову); 27 ноября 1929 года арестован; приговорен к десяти годам заключения в лагере; расстрелян.

² Летом 1929 года епископ Дамаскин (Цедрик) организовал посылку гонца к митрополиту Петру, находившемуся в ссылке в поселке Хе Обдорского района. Патриаршему Местоблюстителю были доставлены различные церковные документы, отражавшие происходившие тогда события. Ответа от митрополита Петра получить не удалось, однако о его реакции можно достаточно определенно судить по содержанию вышеупомянутого письма митрополиту Сергию.

руководством, некоторые, возвращаясь с Ленинграда, заезжали ко мне, так просто повидать, так как по всем вопросам они получали руководство от епископа Дмитрия Любимова. Некоторые приезжающие осуждали Ленинградцев, что они так поздно отошли от митрополита Сергия, что они уже давно это сделали, однако, не имея у себя руководителя, они приезжали в Ленинград, прося принять и разрешить недоуменные вопросы. Обращающим ко мне с теми или иными вопросами я направлял к епископу Дмитрию, прося его разрешать все вопросы.

Центром нашей организации была церковь Воскресения на крови, где в числе причта зарегистрирован был и я.

О всех событиях, которые происходили в церкви Воскресения на крови мне сообщали приезжающие с Ленинграда, как мать Анастасия Куликова, так и другие. Через них я получал с церкви денежное вспомоществование в размере 50-60 руб[лей] в месяц и продуктами. Кроме Куликовой приезжала два раза Андреева Нат[алья] Ник[олаевна], два раза Мария Петровна Березовская, и духовенство Добронравов, Ушаков, Вознесенский, епископ Василий, Филофей Поляков, священник Петр Беллавский¹, монах Тихон с Ал[ександро]-Невской лавры. Все эти лица приезжали ко мне за разрешением вопросов, как лично их касающихся, так и всей нашей организации.

В одном письме я писал епископу Дмитрию, чтобы с лицами, которые приезжают с других городов и местностей, он был осторожнее и прием их в наше общение производился после тщательной проверки приехавшего. Я лично принимал тех, кои имели письмо от еп[ископа] Дмитрия.

Непосредственной связи с митр[ополитом] Петром у меня не было, но копия письма митр[ополита] Петра мне была прислана.

¹ Протоиерей Петр Белавский (1892-1983) — с 1924 года настоятель церкви святителя Алексия в поселке Тайцы под Ленинградом; 29 ноября 1929 года арестован вместе с епископом Димитрием (Любимовым); приговорен к пяти годам заключения в лагере; в 1945 году помирился с Московской Патриархией.

Также я лично никакой связи не имел с Антоном Храповицким¹, но копию телеграммы его, в которой он осуждал митрополита Сергия, я получил. Получал я все с Ленинграда от епископа Дмитрия Любимова.

С Киева приезжала ко мне по поводу священника Спиридона² некая Анисья. Приехала она уже с Ленинграда с письмом Натальи Николаевны. Фамилию этой Анисьи я не знаю, но Наталья Николаевна может знать, так как она направила ее ко мне с письмом.

Кроме Анисьи с Киева приезжал священ[ник] Андрей Бойчук³ – разрешать вопрос об этом же Спиридонне. О священнике Жураковском⁴ я слышал от этой Анисьи и Бойчук[а] как о стороннике Спиридона, введившего всевозможные новости.

С Твери приезжал о[тец] Фотий⁵, который возвращался с Ленинграда. Зачем он приезжал, не помню, но Ленинградцы, епископ Любимов, пользовались тем, что могли послать с возвращающимися домой ко мне письма и посылки. И с этим Фотием я получил письма от Любимова и других знакомых.

¹ Митрополит Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863-1936) – с 1922 года председатель Архиерейского Синода РПЦЗ.

² Архимандрит Спиридон (Кисляков Георгий Степанович, 1875-1930) – настоятель Преображенской церкви на Павловской улице в Киеве; 11 сентября 1930 года скончался.

³ Священник Андрей Николаевич Бойчук (1884-1941) – с 1928 года служил вместе с архимандритом Спиридоном (Кисляковым); 15 января 1931 года арестован; приговорен к трем годам заключения в лагере; расстрелян.

⁴ Священник Анатолий Евгеньевич Жураковский (1897-1937) – один из наиболее активных деятелей иосифлянского движения на Украине, с 1928 года служил вместе с архимандритом Спиридоном (Кисляковым); 14 октября 1930 года арестован; приговорен к расстрелу с заменой на десять лет заключения в лагере; расстрелян.

⁵ Иеромонах Фотий (Солодов Михаил Семенович, 1885-1931) – с 1929 года нелегально служил в Ленинграде; 21 июня 1931 года арестован в Тверской епархии; 1 октября 1931 года расстрелян.

Кто приезжал ко мне с периферии еще, я не помню.
Записано с моих слов правильно.
Иосиф Петровых.
Уполномоченный А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 317-318. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 322-324 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

№ 7

**Дополнительный протокол допроса
митрополита Иосифа (Петровых)**

30 сентября 1930 года

30 сентября 1930 г[ода].

Дополнительный [протокол допроса].

Во время следования в Ленинград я, воспользовавшись тем, что сопровождающий меня сотрудник Г.П.У. на ст[анции] Тихвин пошел разыскивать мягкое место, на какое мы имели право, пошел в уборную, наскоро написал открытку и сам опустил письмо в почтовый вагон, который был в нашем поезде рядом с нашим вагоном.

Письмо было написано на имя Анны Андреевны Федоровой по адресу Малый Казачий пер[еулок], д[ом] № 9, кв[артир]а] 103.

В письме я извещал, что меня везут в Ленинград, прося оказать мне помощь в необходимом.

Разрешения на отправку письма я ни у кого не спрашивал.
Записано с моих слов правильно.

Иосиф Петровых.

Уполномоченный А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 319-319 об. Подлинник. Автограф А. Макарова. Подпись митрополита Иосифа. На л. 324 заверенная А. Макаровым машинописная копия.

№ 8

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

5 октября 1930 года

Продолжение допроса Петровых Иосифа 5 октября 1930 г[ода].

Кроме ранее указанных мною лиц, приезжавших ко мне с Ленинграда, дополняю, что приезжал представитель от единоверческой церкви от священника Алексея Шеляпина¹ с письмом. В этом письме Шеляпин, осуждая взятый митрополитом Сергием курс церковной политики, просил его принять в общение с нами. Письмо было переслано через юношу Иннокентия, которого Шеляпин просил благословить в монашество. Переговорив с Иннокентием, я пришел к тому, что в монашество его можно посвятить, и дал в этом согласие.

Распоряжения Сов[етской] власти и ее мероприятия в отношении церковной политики (налоги на духовенство, церкви, выборка патентов и т[ому] п[одобное]) считаю для себя обязательными, как гражданский долг, поскольку они не простираются на существо веры. Если в вопросе о выборке патентов у меня одно время были колебания, то они объяснялись большими смущениями среди верующих, эти смущения вызывали у меня опасения увеличить их и произвести большой соблазн в народе. Долгое время я держался в стороне от этого вопроса, предоставляя его решать самим верующим. И тогда, когда эти верующие, без соблазна среди себя, приходили к решению выбирать патенты, я не возражал, и не считал их за это нарушившими чистоту веры. Мое письмо к священнику Николаю Ушакову, отказавшемуся служить в церкви, где выбрали патент на свечи, действительно является письмом, в котором я его «благодарил за твердую и решительную борьбу со всякими «уклонами» и «покраснениями».

¹ Священник Алексей Шеляпин (1877-1937) — в 1919-1924 годах и с 1928 года настоятель единоверческой церкви святителя Николая на улице Марата в Ленинграде; 22 августа 1930 года арестован; приговорен к пяти годам ссылки; расстрелян.

В письме я ему писал, что я на него надеюсь в будущем, что время лукавое и опасное для всяких послаблений, призывал быть на страже, так как находил, что и нашу группу хотят тоже использовать для целей, ничего общего не имеющих с истинною церковью христовою, просил поддержать слабых и робких своим примером.

Такое письмо было ему написано после ухода его с церкви, где выбрали патент.

«Покраснение» — это нарушение устоев церкви, и обновленцев, и сергиевцев я считаю красными.

Вести борьбу с антисоветскими настроениями — законное дело Сов[етской] власти. Но я нахожу, что власти следовало бы иметь более осторожность в суждении о действительно антисоветских настроениях церковных людей, и о степени их активной вредоносности, тем более, что с точки зрения власти борьба с религией подводит под угрозу репрессий всякого верующего человека. Вот и в моем деле: я категорически отказываюсь от обвинения меня в активной контрреволюционности и в антисоветской деятельности. Но оправдаться в этом трудно, потому, что мы стоим на разных точках зрения по существу спорных пунктов. Простое слово, сказанное в защиту своей точки зрения, является обидным для иначе настроенной власти, и, следовательно, уже «антисоветским». С другой стороны, выявилось немало нелояльных отношений к власти среди отдельных лиц, ответственность за которые несправедливо возлагается на целую группировку верующих и особенно на меня, как считающегося их духовным руководителем. Непонятным является для меня и то, что считая меня нелегальным со своею группою, с самого начала, власть лишала меня всякой возможности какой-нибудь легализации. Из Ленинграда я был выставлен после одной единственной службы, несмотря на разрешения, полученные от местного Адм[инистративного] Отдела. Я отмечаю все антисоветское и каюсь в своих ошибках, от которых, повторяю, так трудно всякому уберечься. Я готов на все, что нужно, в пределах возможного, для восстановления доверия ко мне власти и для доказательства моей лояльности к

ней. Если она не внемлет этим воплям, то очевидно внять не в ее расчетах, а каких? Отказываюсь понять.

Записано с моих слов правильно.

Иосиф Петровых.

Уполномочен[ный] А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 325-326. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 327-327 об. заверенная А. Макаровым машинописная копия.

№ 9

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

9 октября 1930 года

Продолжение допроса Петровых Иосифа 9 октября 1930 года.

Мой заместитель архиепископ Дмитрий Любимов через монахиню Анастасию Куликову запросил меня, как ему быть и поступать с вновь вступающими в нашу организацию.

На этот запрос я через Куликову же дал указание, чтобы архиепископ Дмитрий в приеме новых лиц, как из духовенства, так и из мирян был бы крайне осторожным, остерегаться провокации.

Тут же я ему писал, чтобы ни в коем случае не прекращать поминовение митр[ополита] Петра, так как это свидетельствует массам о нашем единении с митр[ополитом] Петром. Писал ему, что, если по этому вопросу будет какое-либо «давление» извне, то, не боясь никаких репрессий, твердо стоять на своем.

Предупреждал еп[ископа] Дмитрия, чтобы он строго следил за тем, чтобы каждая двадцатка представляла из себя крепко слитое ядро. Без единомыслящей двадцатки, лиц в ней состоящих, никакую работу духовную проводить нельзя.

После ареста арх[иепископа] Дмитрия Любимова к управлению по моему благословию вступил Сергей Дружинин, но на него вскоре стали поступать жалобы на его взбалмошный характер, и я в десяти заповедях на имя еп[ископа] Сергия, предложил ему ограничить свои права в управлении.

В письме на имя свящ[енника] Викторина Добронравова, носящем характер зашифрованности мысли, я писал, что та борьба, которую ведет Сов[етская] власть с истинной православной церковью, есть борьба не с нами, а с ним, богом, которого никто не победит, и наше поражение, ссылка, заточение в тюрьмы и т[ому] п[одобное] не может быть его, бога, поражением. Смерть мучеников за церковь есть победа над насилем, а не поражение.

Ко мне приезжало и духовенство, и верующие, не только те, которые примыкают к нашей организации, но обращалось духовенство и верующие, которые к нашей группе не примыкают, со всеми своими скорбями. Так, помню, ко мне приехал один гражданин, у которого описали все до основания, вплоть до палки, обращался один священник, сергианец, которому предложено было властью оставить гор[од] Устюжну, и всем им я говорил, чтобы они терпели, говорил слово утешения, и они с утешением уезжали домой.

Кто именно ко мне приезжал, я сказать не могу, приезжало много, записей же приезжающих не вел.

Никакими репрессиями со стороны Сов[етской] власти наше течение не может быть уничтожено. Наши идеи, стойкость в чистоте православия пустили глубокие корни. Ложь митрополита Сергия в его интервью¹ о том, что церкви закрываются по постановлению верующих, доказали каждому, даже неграмотному крестьянину. Ненависть крестьян к Сов[етской] власти доходит до открытой пропаганды и выступлений, крестьяне буквально голодают, не имея хлеба, а если имеют, то не имеют возможности смолоть. Ветряные мельницы все закрыты, на других же отказываются молоть. Я, живя в Моденском

¹ Речь идет об опубликованном в «Известиях» интервью митрополита Сергия представителям советской печати от 15 февраля 1930 года, в котором заявлялось, что гонения на религию в СССР никогда не было и нет, церкви закрываются «даже по постановлению самих верующих», а верующие и священнослужители подвергаются репрессиям не за их религиозные убеждения, а за «разные противоправительственные деяния» (см.: Акты... С. 682-686).

монастыре, этих разговоров наслушался и удивляюсь, почему только нас, духовенство, Сов[етская] власть привлекает к ответственности.

Записано с моих слов правильно, но тенденциозно.

Иосиф Петровых.

Уполномоченный А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 328-328 об. Подлинник. Автограф А. Макарова. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа. На л. 329-329 об. заверенная А. Макаровым машинописная копия.

№ 10

Показания митрополита Иосифа (Петровых) о Ярославской декларации

1930 год

ОБ ЯРОСЛАВСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ.

Около года спустя после моего удаления из Ленинграда, когда я уже был в Моденском монастыре, появилась известная декларация м[итрополита] Сергия и вскоре за нею — мое перемещение в Одессу. Вызванный по этому случаю в Москву, и узнав, что перемещение вызвано интригами отдельных лиц из духовенства, я заявил, что нахожу перемещение по таким причинам — незаконным, сославшись на постановление собора, что никакой епископ, пресвитер, диакон и даже псаломщик не могут быть перемещаемы иначе как по одной из следующих причин: а) собственное желанис, б) неизлечимая болезнь и в) впадение в ересь или другое какое тяжкое преступление, подлежащее церковному суду¹. После такого заявления и требова-

¹ В определении Поместного Собора 1917-1918 годов «Об епархиальном управлении» от 14, 20 и 22 февраля 1918 года в главе «Об епархиальном Архирее» говорилось: «Архиерей пребывает на кафедре пожизненно и оставляет ее только по церковному суду или по постановлению высшей церковной власти, в случаях, указанных вы-

ния, чтобы мое дело было передано на суд епископов, я, с разрешения Москвы, отбыл в Ростов Ярославский, где и жил зиму 1927 года, служа в Яковлевском монастыре и не проявляя близкого участия в церковных делах. К этому времени повсеместно в Союзе обсуждалась и резко более или менее критиковалась декларация м[итрополита] Сергия, и создавалось, развиваясь все более и более, протестующее против него течение, доходившее до того, что целые епархии в полном составе, во главе со своими управляющими архиереями, отлагались от него и начинали управляться самостоятельно (Вятская¹, Великоустюжская² и другие)). Сравнительно позднее других сюда присоединилась и Ярославская. Мне известны следующие обстоятельства, сопровождавшие отложение Ярославля от Сергия. Вызвав однажды меня в Ярославль, митр[ополит] Агаф[ангел] сообщил мне, что деяния митр[ополита] Сергия и его произвол в управлении вызывают настолько серьезное против него возбуждение, что он (Агаф[ангел]) завален и телеграфными и письменными просьбами и требованиями взять бразды правле-

ше...» Выше же указывалось: «В исключительных и чрезвычайных случаях, ради блага церковного, допускается назначение и перемещение Архиереев высшею церковною властью» (Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Вып. 1–4. М., 1994. Вып. 1. С. 19). О пресвитерах, диаконах и псаломщиках говорилось в принятом Собором 20 апреля 1918 года Приходском Уставе в главе «О причте»: «Члены причта могут быть перемещаемы и увольняемы от своих мест только по суду или по собственному их желанию» (Там же. Вып. 3. С. 15).

¹ В конце 1927 года вслед за епископом Виктором (Островидовым) от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя отделилась значительная часть паствы Вятской епархии, однако архиепископ Вятский Павел (Борисовский) оставался твердым приверженцем митрополита Сергия.

² Речь идет об отделении от митрополита Сергия епископа Никольского Иерофея (Афоника) и части паствы Великоустюжской епархии в начале 1928 года. Как и в случае с Вятской епархией правящий архиерей, епископ Великоустюжский Софроний (Арефьев) от митрополита Сергия не отделялся.

ния в свои руки и избавить их, таким образом, от всякой зависимости от Сергия, каждому начавшего угрожать запрещениями и др[угими] репрессиями. Далее, м[итрополит] Агафангел сообщил, что у него имеется также проект собственной декларации, которым он предполагает выступить против Сергия, что эта декларация одобряется всеми Ярославскими архиереями и что и я приглашаюсь присоединиться к ней, как проживающий в пределах Ярославской епархии и обязанный этим самым к единомыслию с местными иерархами, среди коих я нашел убежище в своем изгнании. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом этой декларации и м[итрополит] Агафангел обещал мне прислать ее с нарочным сразу, как только ее подпишет архиеп[ископ] Варлаам¹, который был в отлучке и к которому она была послана для подписи также с нарочным. Вернувшись в Ростов после этой беседы, я через несколько дней получил эту декларацию, уже подписанную тремя архиереями, и, найдя ее соответствующей требованию момента, также подписал ее. Затем подписал ее и Ростовский епископ Евгений². Всего было 5 подписей – проживавших в епархии архиереев. Кем составлена эта декларация, с кем она обсуждалась у м[итрополита] Агафангела, были ли у него какие собрания, я не знаю – в составлении ее я не принимал ни малейшего участия.

Прежде чем эта декларация получила широкую огласку, митр[опо]лит Агафангел и я были неожиданно вызваны в Ярославское ГПУ, где нас принял приехавший из Москвы тов[арищ] ТУЧКОВ (пославший также и за м[итрополитом] Агафангелом). ТУЧКОВ задал Агафангелу вопрос, что такое затевается в Ярославле против Сергия, м[итрополит] Агафангел сообщил сущность своей декларации и при этом спросил: как

¹ Архиепископ Варлаам (Ряшенцев Виктор Степанович, 1878-1942) – с декабря 1927 года временно управляющий Любимским викариатством Ярославской епархии; 7 сентября 1929 года арестован; приговорен к трем годам заключения в лагере; скончался в заключении.

² Епископ Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич, 1892-1937) – с декабря 1927 года епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии; в 1928 году арестован; расстрелян вместе с митрополитом Иосифом.

вы посмотрите на это выступление, не находите ли его контрреволюционным, долженствующим вызвать с вашей стороны какие-либо неприятности (репрессии) для нас, или нет. Тов[арищ] ТУЧКОВ заявил, что этого он не думает, и никакого вмешательства в ваши дела со стороны ГПУ не предполагается. Затем, после некоторых разговоров о делах церковных оба мы были отпущены с миром.

После этого, декларация была разослана по распоряжению м[итрополита] Агафангела ко всем, запрашивавшим его советов и руководства, с разъяснением, что в силу постановления соборного, при отсутствии облеченной доверием центральной духовной власти или при невозможности сноситься с нею, архиереи на местах облачаются всею полнотою прав и управляются совершенно самостоятельно.

Подписанная и полученная и мною эта декларация не могла не налагать и на меня соответствующих обязательств. Ленинградская группа духовенства, опротестовавшая произвол м[итрополита] Сергия в моем перемещении и фактически уже отложившаяся от него, указала и мне на мой долг не покидать их на произвол судьбы и, если нет мне возможности и надежды быть в Ленинграде, все же не отнимать у них права считать меня их законным архипастырем. Непосредственное же управление может быть оставлено в руках еп[ископа] Дмитрия, около каждого¹ сплотилось отложившееся от Сергия духовенство. Так как это нисколько не изменяло и ничего не прибавляло к моему Ростовскому ничегонеделанию, то я не видел для себя никакой опасности в попусении этого, и дальше как-то все пошло самотеком. Еп[ископу] Дмитрию предоставлена была полная свобода управления до того, что он позволял себе действовать даже вопреки моим ожиданиям и определенно выраженным желаниям и советам. Я не претендовал в таких случаях, оправдывая такие поступки еп[ископа] Дмитрия тем, что на месте ему виднее большая или меньшая целесообразность такого или иного решения. Во многих случаях, когда он

¹ Так в тексте, возможно изначально было «около которого».

спрашивал моего совета, я так и отвечал ему, предлагая на месте обсуждать дело с более опытными лицами из духовенства, если он не надеется на свой опыт и рассуждение. Более близко пришлось мне проявлять себя в делах лишь после ареста еп[ископа] Димитрия, когда место его заступил престарелый болезненный и неопытный еп[ископ] Сергей, и духовенство стало иногда обращаться со своими нуждами непосредственно ко мне.

Полнота прав, предоставленная епископу Димитрию (в силу, между прочим, и Ярославской декларации), позволяла ему, помимо моего участия, удовлетворять духовные запросы и нужды отдельных лиц не только Ленинградской епархии, но и других местностей. Отсюда и произошло то, что к нему ехали с этими нуждами и запросами отовсюду, где не было по близости другого, пользовавшегося доверием, архиерея. Непосредственно ко мне ездить им не было никакой надобности, чем и объясняется крайне незначительное количество таковых приездов и обращений.

Дальнейшее влияние Ярославской декларации на ход дел церковных, после моего вторичного удаления в Моденский монастырь¹ (вскоре после оглашения декларации) для меня остается малоизвестным. Сейчас я совершенно не знаю, как обстоит дело в отпавших от Сергия епархиях, так как по известным мне единицам состоящих в отпадении невозможно судить о настроении целого. Отрывочные сообщения об отделившихся малых ячейках также не дают достаточно материала для суждения об общей картине. Последнее громкое выступление против Сергия со стороны митр[ополита] Кирилла² говорит за то, что Ярославская декларация не пустой звук. Как вопль наболевшей души, она жива в сердцах наиболее чутких церковных людей. Историческое ее значение неизгладимо и пойдет в

¹ 29 февраля 1928 года митрополит Иосиф был арестован и вторично выслан в Моденский монастырь.

² Речь прежде всего идет о письмах митрополита Кирилла митрополиту Сергию от 15 мая и 12 ноября 1929 года (см.: Акты... С. 637-641, 651-657).

глубь веков, чтобы когда-нибудь на свободно избранном и свободно действующем законном церковном соборе дать полноценный материал для выявления истинного виновника нынешней церковной разрухи.

Мысли декларации Ярославской, воспроизводимой очень неточно, по моей слабой памяти:

«Ваше Высокопр[еосвященство]. Хотя ни соборными определениями, ни практикой церковной жизни не оправдывается ваше стояние у кормила церковного управления, тем не менее доселе мы подчинялись вам, в надежде что вы доведете церковный корабль до тихой пристани, т[о] е[сть] до созыва церковного собора, который разрешит все наболевшие вопросы церковной жизни и даст ей так необходимое успокоение и мир. Но надежды наши не оправдались. Напротив, целый ряд ваших незаконных действий — как-то: перемещение архиереев с места на место без законных оснований, назначение vikариев без ведома и согласия правящих архиереев, запрещения им священнослужения, наконец, учреждение вами совершенно не канонического синода, состоящего сплошь из бывших обновленцев и даже одного из них переметавшегося в раскол старообрядчества, все это грозит не успокоением, а усугублением страданий церкви, достоинство которой вы уронили еще более вашим не вызванным никакою нуждою угодничеством пред «внешними», чем вызвали неслыханные издевательства и¹ на церковь. Мы всегда были сами и остаемся честными и лояльными советскими гражданами, но ваш образ действий находим совершенно неуместным и не достигающим цели умиротворения церковного. А потому объявляем вам, что с нынешнего времени мы отделяемся от вас и будем управлять нашими епархиями самостоятельно, соблюдая верность митр[ополи]ту Петру и руководствуясь в наших действиях правилами апостольскими,

¹ Многоточие в тексте. Восстановить пропущенное слово по точному тексту Ярославской декларации невозможно в силу его значительного расхождения с текстом, воспроизводимым митрополитом Иосифом.

Вселенских и Поместных Соборов, практикой и не отмененными распоряжениями прежней церковной власти, а также Всероссийского Пом[естного] Собора 1917 г[ода] – до того времени, пока вы сознаете свои заблуждения и сделаете вновь возможную работу с вами на пользу св[ятой] Церкви».

(Изложено приблизительно).

Подписи: М[итрополит] Агафангел, Архиепископ Варлаам, Архиепископ Серафим¹, митрополит Иосиф, епископ Евгений.

Верно: А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 332-334. Заверенная А. Макаровым машинописная копия. Датируется по содержанию.

№ 11

Показания митрополита Иосифа (Петровых) о лицах, посещавших его в Моденском монастыре

1930 год

Посетители мои и дела, по которым приезжали и о коих беседовали:

Более часто: м[онахиня] Анастасия привозила продукты, посылки от знакомых, письма от них, вопросы Вл[адыки] Дмитрия, по коим он, затрудняясь, просил совета, и сообщал о всех текущих событиях церковной жизни.

Протоиереи: ДОБРОНРАВОВ, УШАКОВ, ВОЗНЕСЕНСКИЙ – приезжали за разъяснением по вопросу о регистрации

¹ Священномученик архиепископ Серафим (Самойлович Семен Николаевич, 1882-1937) – в 1920 году хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии; с 1924 года – архиепископ; в декабре 1926 – апреле 1927 года Заместитель Патриаршего Местоблюстителя; 17 февраля 1928 года арестован и сослан в Буйнический монастырь под Могилевым; 20 января 1929 года обратился с новым посланием, обличающим митрополита Сергия; 2 марта 1929 года вновь арестован; приговорен к трем годам заключения в лагере; расстрелян.

храмов и об отношении к храму Воскресения и др[угим], с ним солидарным. Получили упрек за излишнюю «ревность не по разуму» и совет – не упорствовать в своем самочинии, останавливать своих духовных чад от распространения слухов о храме Воскресения, который будто бы нельзя посещать, как зарегистрированный, и самим не удаляться от него и служащих в нем.

Прот[оиерей] ВОЗНЕСЕНСКИЙ кроме того приезжал по своему личному делу – удаленный из храма арх[ангела] Михаила под влиянием прот[оиерея] ПОЛЯКОВА, просил защиты и указания, как быть. Я выдал ему справку, т[о] е[сть] напомнил о постановлении Всероссийского собора 1917 г[ода], что никакой епископ, ни священник, ни диакон, ни даже псаломщик не может быть снят со своего места без уважительных причин, а именно: 1) если он сам не просится, 2) если он болен неизлечимую болезнью, 3) если впал в ересь или совершил другое преступление, подлежащее церковному суду.

Прот[оиерей] ПОЛЯКОВ приезжал по этому же делу, оправдывая свои действия волею прихода и тем, что официального назначения в их приход прот[оиерея] ВОЗНЕСЕНСКОГО никакого не было, а потому и числиться их священником он не может. Поэтому все дело оставлено без дальнейших последствий.

Иеромонах ТИХОН и с ним мирянин (имени и отчества и фамилии не помню), привозили продуктов. Беседовали о Лавре и др[угих] вещах, не имеющих делового характера. При отъезде подверглись обыску, не давшему никаких результатов. Брат Иннокентий (фамилии не знаю), по поручению единоверческого священника Ал[ексея] ШЕЛЯПИНА приезжал за советом относительно регистрации и с просьбой разрешить этого Иннокентия посвятить на служение церкви. На первый вопрос дан ответ – последовать примеру храма Воскресения, решившего зарегистрироваться, по второму вопросу – не могло быть указано никаких препятствий.

Вдова прот[оиерея] АНДРЕЕВА Нат[алья] Никол[аевна] была два раза, привозила продукты и посылки от знакомых с их письмами. Беседа касалась многих предметов церковной

жизни. Подробно вспомнить всего невозможно. Беседа велась урывками, и ни на одном предмете долго не задерживалась.

Епископ Василий приезжал по своему личному делу – погоревать о том, что ему нигде не удастся пристроиться для служения. К его утешению вскоре он устроился где-то на Пороховых. При приезде был обыскан – безрезультатно.

Из других мест вспоминаю следующих посетителей:

Свящ[енник] Андрей БОЙЧУК, какая-то Анисия (фамилии и отчества не помню). Из Киева – приезжали за советом по делу арх[имандрита] Спиридона, внесшего немало смуты в одном из киевских приходов (каком не помню). Этот арх[имандрит] Спиридон своими новшествами при Богослужении сильно напоминал обновленцев, что и смущало многих из духовенства и мирян. Письмами я старался успокоить смущенных, а о[тцу] Спиридону послал совет – временно воздержаться от своих новшеств и не выделяться пред другими ничем.

Из Воронежской епархии я посетителей не имел, но получил через Ленинград одно или два письма еп[ископа] Алексия¹, управлявшего Воронежской епархией, с сообщением (кратким) о положении дел в их крае, и с просьбой – в затруднительных случаях не оставить советом чрез Вл[адыку] Дмитрия. Краткий же ответ был послан на это, кажется, тоже через еп[ископа] Дмитрия, или почтой – не помню. Я имел отрывочные сообщения от Влад[ыки] Дмитрия о некоторых приходах Сев[ерного] Кавказа, солидарных с ним. Но непосредственного общения с ними не имел, и лиц, приезжавших оттуда, у меня не было.

Из Твери заезжал ко мне (по пути из Ленинграда) иером[онах] Фотий, привозил посылки с продуктами, письмо Влад[ыки] Дмитрия и др[угих] знакомых. Иером[онах] Фотий рассказывал о своей жизни в Твери и служении там. С ним я

¹ Епископ Алексей (Буй Семен Васильевич, 1892-1937) – с февраля 1927 года временно управляющий Воронежской епархией; 22 января 1928 года отделился от митрополита Сергия; 7 марта 1929 года арестован; приговорен к расстрелу с заменой на десять лет заключения в лагере; расстрелян.

получил несколько вопросов с просьбами дать советы (церковного характера), что и было исполнено.

Из ст[анции] Узловой Тульской губ[ернии] была у меня Евд[окия] Гавр[иловна] РОДИОНОВА. Эта была совсем не по церковным, а по своему личному делу, как духовная дочь, которая у меня исповедывалась и искала разрешения своих личных недоуменных духовных запросов. Была в день обыска 25 дек[абря] 1929 г[ода].

Из Москвы никого не было и из др[угих] городов более никого не припоминаю. 4 года – довольно большой период времени, чтобы все помнить. Больше всего приезды были из Ленинграда. Из других мест совсем мало и все, кажется, указано.

М[ария] П[етровна] БЕРЕЗОВСКАЯ – по дороге в Москву приезжала сообщить о решении их зарегистрироваться, что и одобрено. Также сообщала, что хочет попытаться попросить о дозволении мне устроиться в Ленинграде. Я не советовал этого и вообще смотрю на это безнадежно. Результаты оправдали мои опасения.

Еще – Макарий, Анатолий, Серафим – по личным делам.
Верно: А. Макаров.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 335-336. Заверенная А. Макаровым машинописная копия. Датируется по содержанию.

№ 12

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

19 ноября 1930 года

Протокол допроса Иосифа Петровых от 19 ноября 1930 года.¹

Я утверждаю, что Новоселов на меня никакого особого влияния не имел. С большей справедливостью это следует ска-

¹ Здесь и далее заголовки подчеркнуты следователем (А. В. Казанским).

зять относительно архиепископа Серафима Самойловича. По крайней мере он мне говорил, что Новоселова слушаться иногда не вредно. Я знаю, что Серафим под впечатлением Новоселова подготавливал какой-то протест против декларации митрополита Сергия. Какой – точно мне неизвестно. Вообще Новоселов больше говорил и влиял на митрополита Агафангела и, как я уже говорил, на архиепископа Серафима. Ко мне Новоселов приезжал один раз вместе с Серафимом. На отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение – он повлиял в том смысле, что подлил, как говорится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути – на котором они уже стояли.

Со мною Новоселов беседовал о положении в церкви, создавшемся после декларации Сергия. Он говорил о том, что позиция декларации неприемлема для верующего народа, и, в частности, для каких-то «ревнителей церковных из интеллигенции». Имен кого-либо из представителей такого рода интеллигенции при этом не было названо. О нас же, представителях иерархии, говорилось, что и нам тоже пора сказать свое слово.

Позже архиепископ Серафим Угличский показал мне, переслав, кажется, его, письмо Новоселова, в котором последний анализировал троих лиц, с точки зрения пригодности их к возглавлению нового церковного течения. Относительно меня и Агафангела говорилось, что мы мало для этого пригодны: я – как склонный более к созерцательной жизни, а Агафангел – как престарелый. Называя Серафима «сынком», Новоселов выдвигал на эту роль его, как более молодого и энергичного.

Показание мною прочитано. С моих слов записано верно, в чем и подписываюсь.

Иосиф Семенович Петровых.

А. В. Казанский.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 337. Подлинник. Автограф А. В. Казанского. Подпись митрополита Иосифа.

№ 13

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

*23 ноября 1930 года*Протокол допроса Иосифа Петровых от 23 ноября 1930 года.

У Новоселова было не одно, а два посещения меня. В первое свое посещение, о котором я показывал в показании от 19 ноября 1930 года, он, передавая мне мнение какой-то «группы интеллигентных верующих» о необходимости возглавления церковников, не согласных с политикой митрополита Сергия, только информировал меня о том, что решено митрополита Агафангела просить возглавить новую церковную организацию, которая, по существу, тогда только складывалась. Во второй приезд ко мне Новоселов приехал один и привез письмо епископа Дмитрия из Ленинграда. На этот раз мне было сделано предложение встать во главе. Я никак не реагировал на это предложение, вернее не помню, что я сказал.

Новоселов, говоря мне об «интеллигентных кругах», не назвал ни одного лица. Андреева Наталья Николаевна, сообщая мне в одно из своих посещений о положении нашей организации в Москве, сообщила, что среди наших сторонников здесь есть некто Лосев, которого я почему-то представляю себе как профессора, но не с ее слов.

Показание мною прочитано. С моих слов записано верно, в чем и подписываюсь.

Иосиф Петровых.

А. В. Казанский.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. II. Л. 338. Подлинник. Автограф А. В. Казанского. Подпись митрополита Иосифа.

№ 14

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

*1 декабря 1930 года*Протокол допроса Иосифа Петровых от 1/XII [19]30 года.

Должен откровенно заявить, что о деятельности интеллигентской группы, пытавшейся руководить до известной степени церковными делами, мне лично мало известно. Правильнее будет сказать, что группа эта собственно только пыталась влиять на церковь в политическом отношении. Я знаю только несколько фактов, указывающих на наличие и деятельность такого рода группы, и систематической связи с нею не имел.

Приезжая ко мне, как я уже показывал в двух предыдущих показаниях, Новоселов сообщил мне, что какая-то группа, или как он ее точно называл – не помню, требует отмены декларации митр[опо]лита Сергия и выпуска протеста на нее. В довольно общих выражениях, Новоселов дал мне понять, что главная неприемлемость декларации митрополита Сергия в той политике по отношению к Сов[етской] власти, которую она (декларация) от церкви требует.

Архиепископ Серафим Самойлович о Новоселове мне говорил, что он кого-то объединяет и действует от лица какой-то группы.

Наталья Николаевна Андреева называла мне Лосева и Новоселова, как каких-то известных московских деятелей по церковным делам.

Ко мне приезжал из Москвы священник Дулов¹, который от имени «Москвы» требовал, чтобы я опубликовал свою декларацию против Сергия и, хотя я ему согласия не дал на это, тем не менее он эту мою декларацию, бывшую у него на руках,

¹ Священник Николай Николаевич Дулов (1885-?) – с 1929 года священник Крестовоздвиженского храма в Москве; 28 октября 1929 года арестован; приговорен к пяти годам заключения условно, освобожден.

распространил. Анастасия Куликова говорила, что в Ленинграде у него эти декларации отобрали наши священники.

Близкое лицо к епископу Дмитрию Гдовскому, монахиня Анастасия Куликова сообщала мне о Новоселове, как о «московском деятеле», бывающем у Дмитрия. Когда я и Дмитрий случайно встретились с митрополитом Сергием в Москве, Дмитрий, передавая требование об отмене декларации, потребовал этого не только от лица верующих и духовенства, но и от лица интеллигенции, представителем какой с ним приехал из Ленинграда профессор Абрамович-Барановский.

Я был главой нашей организации в чисто-церковном смысле. Практически действовал по моему доверию архиепископ Дмитрий.

Андреева Наталья Николаевна хотела все время играть какую-то роль в церковной жизни. Монахиня Анастасия Куликова, под влиянием которой Дмитрий в значительной степени находился, жаловалась мне, что Андреева пыталась втереться в доверие к Дмитрию, приблизиться к нему. Я представляю себе, что роль Андреевой сводилась более или менее к посредничеству между Новоселовым и Дмитрием.

У меня были священники Перепелкин¹ и Шишкин (с юга); последний не имеет определенного места жительства и гуляет по всей Руси. Оба они — большие фанатики. Я сознаю, что наши документы по существу шли по линии антисоветской пропаганды, хотя большая часть каждого такого документа трактовала о вопросах церковной политики. Ко мне эти документы, далеко не все притом, попадали от разных лиц и у меня оставались. Я лично им хода не давал.

Копии телеграмм митрополитов Евлогия² и Антония Храповицкого я получил из Ленинграда от архиепископа Дмитрия

¹ Священник Василий Павлович Перепелкин (1880-?) — с июня 1928 года благочинный иосифлянских приходов на Кубани и Ставрополье; 25 января 1929 года арестован; приговорен к трем годам ссылки в Северный край.

² Митрополит Евлогий (Георгиевский) Василий Семенович, 1868-1946) — с 1921 года временно управляющий православными русскими

через Анастасию, кажется. Телеграмма Антония, очень короткая, трактовала политику Сергия по отношению к Сов[етской] власти как «измену и предательство». Совпадение во взглядах по этому поводу между Антониевскими взглядами и взглядами некоторых моих сторонников – совпадение по объективным причинам.

Показание мною прочитано. С моих слов записано верно, в чем и подписываюсь.

Иосиф Петровых.

А. В. Казанский.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 339-340. Подлинник. Автограф А. В. Казанского. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа.

№ 15

Протокол допроса митрополита Иосифа (Петровых)

16 декабря 1930 года

Протокол допроса Иосифа Петровых от 16/XII [19]30 года.

О том, что примыкавшие к нашей организации священник Василий Подгорный¹ и епископ Иерофей² ведут работу преимущественно среди крестьян – мне было известно. Об Иерофее мне писали из Великоустюжской епархии епископ

приходами в Западной Европе; в 1930 года вступил в конфликт с митрополитом Сергием; перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата.

¹ Священник Василий Филиппович Подгорный (1892-1937) – с 1922 года священник; руководитель общин так называемых «стефановцев» (именовавшихся так по имени Стефана Подгорного); 16 октября 1930 года арестован; приговорен к десяти годам заключения в лагере; расстрелян.

² Епископ Иерофей (Афоник, около 1891-1928) – с 1924 года епископ Никольский, викарий Великоустюжской епархии; 25 января 1928 года отделился от митрополита Сергия; 6 мая 1928 года смертельно ранен при аресте и скончался.

Софроний¹ и какой-то благочинный. Они сообщали, что Иерофей окружил себя женщинами, фанатиками и ходит по деревням, производя беспорядки и выбрасывая насильственно из церквей священников, с ним несогласных. Я оба эти заявления бросил в корзину, не придавая им никакого значения, вернее — я не чувствовал себя вправе вмешаться в действия Иерофея,² хотя советовал ему в свое время отложиться от митрополита Сергия, когда он спросил моего совета — как ему обосновать свою позицию с церковной точки зрения. О Подгорном я знал, что он где-то около Киева, как будто, и является продолжателем дела своего отца, Стефана Подгорного³. И отец, и сын ставили ставку на работу среди крестьянства, путем создания своеобразной церковной общественности в виде паломничеств, которые он организовывал, и т[ому] п[одобного]. Димитрий Гдовский мне сообщил о принятии подгорновцев в нашу организацию. Я это принятие санкционировал. Я считаю, что если бы Иерофей не создавал беспорядков, не ходил окруженным толпой из села в село, и т[ому] п[одобное], вероятно, и не произошло бы и тех беспорядков, во время которых он был убит. Моя записка о том, что «нам кажется величайшим позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести [зачеркнуто: вероисповедания] и религиозными убеждениями человечества» — это записка выражает только мои личные мнения. Вот эта моя резкость, которой я порой сам не рад — и давала повод понимать меня беседовавшим со мной членам нашей организации именно в том смысле, что я будто бы стою за какое-то активное к[онтр]-р[еволюционное] действие. Приходилось иной раз и

¹ Архиепископ Софроний (Арефьев Иван Алексеевич, 1879-1937) — с декабря 1927 года епископ Великоустюжский; с 1929 года архиепископ; расстрелян.

² Здесь (кроме заголовка) и далее в документе подчеркнуто красным карандашом.

³ Стефан Подгорный, почитавшийся его последователями как великий старец, в действительности был не отцом, а дедом священника Василия.

письма им писать так, по причине той же моей резкости, что понимали меня опять в том же смысле. Такое понимание возможно тем более, что люди, со мной беседовавшие, оказывались зачастую более антисоветски настроенными, чем я. Для таких лиц, конечно, мои резкости по отношению к Сов[етской] власти, могли казаться данными директивного порядка. У меня из ленинградцев бывали: мать Анастасия, Ушаков, Добронравов и Вознесенский.

Я, конечно, понимаю, что документы, которые выпускались иногда сторонниками нашей организации, носили антисоветский характер, особенно такие, которые трактовали о советской власти, как власти антихристовой. Конечно — самое маленькое, что может сделать верующий — это избегать власти антихристовой. По духу этих документов я думаю, что Новоселов имел к их выпуску какое-то отношение, так как с его взглядами это совпадает, но фактов выпуска им документов я не знаю. Обычно документы выпущенные мне привозила все та же мать Анастасия.

От нее я знал, что Новоселов часто бывает у Дмитрия. Анастасия [зачеркнуто: часто] сообщала мне об успехах нашей организации на Кавказе и в других местах. Я относился к этому критически, заявив даже ей, что несмотря на все эти успехи никакого заметного изменения в положении церкви не произошло.

От Анастасии раз я слышал, в ответ на мою реплику, что «хотя бы знали о нашем положении за границей» — такой ответ: «там знают все, даже больше, чем знаем мы». Более подробно она мне ничего не сказала. Показание мне прочитано, с моих слов записано верно, в чем и подписываюсь.

Иосиф Петровых.

А. В. Казанский.

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 341-342. Подлинник. Автограф А. В. Казанского. Каждая страница заверена подписью митрополита Иосифа.

№ 16

**Собственноручные показания митрополита Иосифа (Петровых)
о его отношении к современным ему событиям**

1930 год

**Мое отношение в настоящем положении
к современным событиям¹.**

Слыша о современных событиях в городах (борьба с религией и с Церковью), конечно, с одной стороны готов благодарить судьбу, что она поставила вдали от всех этих скорбей и страданий для верующей души. И одна мысль об этих страданиях способна отрезвлять и удерживать от всяких желаний играть какую-либо руководящую роль в верхах Церкви. Это не значит, конечно, что я обрел спокойствие, свойственное говорившему: «моя хата с краю, ничего не знаю». Получив свободу, конечно, будешь невольно втянут в ту или другую ориентацию, от чего совесть не позволит отказываться, раз на то будет дана свобода. Но видя как в настоящее время опошлена и дискредитирована всякая ориентация, всего вероятнее, что я ни к одной из них примкнуть не смогу, но и своей особой для других создавать не намереваюсь. Вернее всего, я и на свободе замкнулся в своей уголок, и буду сам себе первой и последней ориентацией. Конечно, не в моих силах будет запретить другим следовать моему примеру и считать меня центром своей ориентации*. Но — что в моих силах и что обязан я сделать, так это будет сделано: никакой контрреволюции в своей среде я никогда не терпел и не стерплю и ничего против-Советского и противореволюционного моим именем или авторитетом не позволю. Но, конечно, и совестью своей торговать не намерен, и всякую попытку использовать свои силы вопреки декрету о невмешательстве в дела чисто церковные и духовные — встречу

¹ Здесь и далее в документе подчеркнуто митрополитом Иосифом.

* это многими и теперь делается, без всяких моих усилий (примечание митрополита Иосифа).

отпором, ничуть не боясь погрешить этим против Власти Гражданской, если только она верна своим же собственным декретам и духу своих постановлений о свободе веры и совести каждого. Мне часто приходилось слышать «благие советы»: то идти за одним, то за другим. Зачем же непременно нам нужна человеческая кабала? Я иду только за Христом, по разумению своего какого ни на есть разума, и этого с меня довольно. Итак, мое последнее слово: мне дорога свобода, но, если она послужила бы только во вред мне или кому другому, ничего не имею и против неволи. И то и другое принимаю и впредь как от руки Божией. Им, по нашему верованию – (Господом Богом) всякая власть царствует и пишет правду («Мною царие царствуют и сильнии пишут правду» – слова Библии¹).

Была меня когда-то и Царская власть – я терпел... Готов терпеть и от нынешней Советской – все что угодно, твердо веря, что и она без воли Божией не сильна мне сделать никакого зла. (Ев[ангелие от] Иоанна, 19 гл[ава], 10-11 ст[ихи]².)

Митрополит Иосиф (Петровых).

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 4. Л. 651-651 об. Подлинник. Автограф митрополита Иосифа.

Публикация, вступление и примечания А. Мазырина.

¹ Притч 8:15.

² «Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше...»